

Бахновский А. В.

"СДЕЛКА С ПРАВОСУДИЕМ": НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 23-25. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Санкт-Петербурга в скверах Казанского собора и Адмиралтейства размещены фонтаны, центр Дворцовой площади зафиксирован Александровской колонной, роль визуального ориентира начала Невского проспекта, выполняет «адмиралтейская игла». Казанский, Адмиралтейский, Екатерининский скверы и Аничков мост украшены монументальной и парковой скульптурой. Имеется скульптура и на фасадах зданий. Обилие декоративных решёток и ограждений. Следует упомянуть, что восточная граница Елисейских полей зафиксирована двумя скульптурными группами коней Марли, а восточная граница ансамбля Невского проспекта – четырьмя скульптурными группами коней Клодта. Новосибирск не может похвастаться таким обилием малых архитектурных форм, но его центральный архитектурный ансамбль включает в себя самый крупный городской фонтан в

Первомайском сквере, в котором в последнее десятилетие появилась парковая скульптура. Монументальная скульптурная группа находится на площади Ленина и сквере-некрополе Героев революции. Роль высотных ориентиров на границах зон архитектурного ансамбля выполняют вертикальная стела на оси Красного проспекта в южной части площади Свердлова и часовня Св. Николая Чудотворца на пересечении проспекта с периметром сквера Героев революции и Первомайского сквера. Северную границу площади Свердлова визуально фиксирует бюст А. Покрышкина скульптора Манизера, тоже расположенный на продольной оси проспекта и площади. Фасад одного здания архитектурного ансамбля украшен круглой скульптурой, ещё на нескольких размещены барельефы. Сквер Героев революции и сквер перед художественным музеем окружает декоративная решётка, а сквер перед театром оперы и балета, Первомайский сквер и бульвар на проспекте – декоративные чугунные ограждения.

При разнице в художественном уровне и качестве материализации архитектурных объектов в создании Новосибирского центрального архитектурного ансамбля использовались сходные методы и приёмы проектирования, что и во всемирно известных примерах архитектурной классики. Несмотря на относительную молодость, удаленность от центров европейской цивилизации и непростое время в течение которого создавался центральный архитектурный ансамбль Новосибирска, его развитие проходило на основе профессионально сформулированных принципов, испытанных не только отечественной и зарубежной практикой, но и временем.

Список литературы

Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893 – 1945 гг. - Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978.

Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. - М.: Стройиздат, 1984.

Гутнов А., Глазачев В. Мир архитектуры. - М.: Молодая гвардия, 1990.

«СДЕЛКА С ПРАВОСУДИЕМ»: НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Бахновский А. В.

Кубанский государственный университет

В современном государстве востребованное и поддерживаемое общественным правосознанием естественное право проходит определенное преломление в спектре видения законодателя, частично или (в идеале) полностью становясь правом позитивным. При полном воплощении справедливых общественных идей (что характерно для правового государства) в действующем законодательстве воля общества становится волей государства, а позитивное право воспринимается как естественное – в связи с чем закон исполняется не по причине стремления избежать негативных последствий, а вследствие осознания внутренней потребности в соблюдении нормы. В таком обществе не существует конфликтных ситуаций, а правовые нововведения совпадают с духом общественного правосознания – в результате чего реформы приносят положительный эффект.

В ситуации, когда позитивное право лишь частично происходит из права естественного – нормы права, которые лежат вне пределов положительной общественной оценки, не принимаются обществом и создают обстановку нарастающей напряженности.

Описанная нами общая закономерность применима и к конкретной ситуации, когда планируемые изменения не будут приняты обществом по причине расхождения с восприятием сути права и его целей. Важно понимать, что существует не только сама идея, но и (что довольно часто упускается из виду) – методы и цель её претворения в жизнь. То есть сама идея может быть нейтральна к общественным интересам (не вызывать ни восторга ни недовольства), однако, её конечная цель и методы претворения в жизнь (механизм) – быть причиной серьезного общественного резонанса.

Исследуемый нами в настоящей работе правовой институт «сделки с правосудием» по сути является согласительной процедурой. В поддержку такой позиции хотелось бы привести несколько мнений.

Так, например, К. Б. Калиновский [Калиновский 2002: 111–119] (через призму конфликтологии) рассматривает «сделку о признании вины» (разновидность «сделки с правосудием») в качестве одной из при-

мирительных форм разрешения уголовного дела). Интересна позиция И. Л. Петрухина, согласно которой существование «сделок» неизбежно ввиду того, что «основным условием состязательного процесса является правовой спор государства и личности о его виновности» [Петрухин: 134].

При условии того, что применение института ориентировано на ускорение процесса вынесения справедливого решения по делу (что позволяет экономить судебное время и бюджетные ассигнования) – положительный (то есть экономический) эффект принимается как востребованный. Однако возникает вполне разумный вопрос: какова справедливость принимаемого решения?

При изучении правового института не следует упускать из виду, что он существует в рамках определенной системы, имеющей принципы и цели построения и функционирования. Для отечественной системы права характерна ориентированность на нравственный императив, акцентирование внимания на общественной оценке приемлемости того или иного решения; исследуемый нами зарубежный институт – результат поэтапного развития другой нравственной среды, обладающей иным вектором духовности. И если во главе российского уголовного процесса стоят такие принципы как, например, вина (ст. 5 УК РФ) и справедливость (ст. 6 УК РФ) – то исследуемый правовой институт был изначально ориентирован на экономическую выгоду.

Для пояснения сказанного и с учетом того, что правовой институт «сделки с правосудием» получил максимальное развитие в практике США, мы предлагаем уделить некоторое внимание самой сути понимания уголовного процесса США.

Так высказывание судьи Френка Истербрук, рассматривающего уголовное правосудие в качестве «рыночной системы», которая позволяет одной стороне обменивать свои процессуальные права на преимущества и уступки другой стороны [Easterbrook 1983] – не предполагает двоякого смысла. В действительности, такой подход очевиден: это результат многолетней ориентированности на создание и преумножение собственности во всех ее формах (в большей степени это применимо к денежным средствам).

Переходя от общего к частному, можно привести фактически поддерживающий экономический параметр подход Б. Стефанос: самой главной причиной появления «сделок с правосудием», по его мнению, является фокусировка внимания на таких важных процессуальных ценностях как «скорость, стоимость, автономия воли, точность и определенность» [Vibas 2003].

Не может остаться без нашего внимания весьма аккуратная позиция Верховного суда США, который поддерживает «сделки с правосудием» – как экономящие время и деньги [Case Brady 1970; Case Santobello 1971]. В действительности к такому мнению в нравственном плане возникает не очень много вопросов: быстрое вынесение решения по делу, в котором обстоятельства очевидны и подсудимый признал свою вину – не несет дополнительных (а скорее уже формальных) затрат и предполагает быстрый запуск механизма уголовно-правового воздействия с целью восстановления социальной справедливости и исправления преступника.

Экономический фактор сосуществует вместе с объективной необходимостью заключения «сделок»: большая нагрузка у судей и адвокатов, отлаженные и выверенные бюджетные потоки не позволят перераспределить «ресурсы» и справиться с огромным числом дел, которые в случае не применения «сделок» потребуют проведения полного и всестороннего расследования [Young 2004: 9].

Потребность в институте и экономический фактор, столь очевидные для «сделки с правосудием», весьма, на наш взгляд, неочевидно сосуществуют с позицией Верховного Суда США: «В интересах сторон всегда было и будет выбирать меньшее из двух зол. Но факт того, что выбор сделан в пользу меньшего наказания, автоматически не исключает наличие принуждения. Это и называется “правомерным принуждением”» [Lynch 2003: 25]. Фактически речь идет о нарушении прав, которое признается правомерным – в экономических интересах.

С разумной критикой (которую мы поддерживаем) такого заявления выступает Т. Линч, который считает, что «...наличие определенного элемента выбора никогда не сможет наделить одно из предлагаемых неправомерных решений правомерным содержанием... Применение «сделки с правосудием», действительно, ускоряет судебное разбирательство, но делается это неконституционными способами» [Lynch 2003: 27].

Уделив внимание позициям зарубежных исследователей, мы хотели бы обратиться к позициям представителей отечественной науки.

Х. Ц. Рустамов [Рустамов 1998: 83] поддерживает «сделки», выделяя следующие моменты (которые нам уже известны в качестве доводов «сделки» среди зарубежных исследователей):

1) экономия ресурсов судов и органов обвинения для использования их по сложным делам; освобождение органов дознания и предварительного следствия от бремени поиска новых улик, а судов – от значительного количества дел;

2) концентрация усилий правоохранительных органов на раскрытии тяжких преступлений и т.д.

Таким образом, направленная на снижение нагрузки судейского корпуса в рамках принятия справедливого решения идея в дальнейшем стала форсировать экономическую составляющую и отклонять вектор правосудия в направлении (изначально благой цели) сбережения средств налогоплательщиков: само пояснение этому довольно простое.

Налогоплательщик хочет знать, куда и зачем идут его денежные средства, он желает экономить. Судейский корпус, представители обвинения (осознающие публичность и выборность своих должностей – что характерно для большинства штатов) с целью заручиться поддержкой своего «источника финансирования»

начинают перемещать акцент с верных решений на решения экономически необременительные и говорят уже не о соблюдении гарантий прав привлекаемых к ответственности лиц, а об экономии.

В итоге в обществе образуется новый тип социальной связи, в котором очевидность цепочки «индивид – индивид» усложняется и модернизируется в «индивид (хозяйствующий субъект) – экономический фактор – индивид (хозяйствующий субъект)»: насколько мы можем понять, фильтрация отношений через спектр прагматической выгоды в последующем превращает социального субъекта в участника экономических отношений.

В такой новой структуре заявления о том, что любое из экономически выгодных (!!!) решений является верным – уже не вызывают резонанса. На наш взгляд, с точки зрения российского менталитета обозначенная последовательность изменений ведет к абсурду: реализация правовых положений, созданных с целью защиты и упорядочения общественных отношений, уничтожит их социальность и коммуникативность изнутри. Опасность заключается в том, что дух реформаторства часто не осознает так во многом очевидные закономерности:

1) любой правовой институт создается на определенном этапе определенным типом общества с целью упорядочения и защиты общественных отношений. Право – это инструмент для защиты и упорядочения общественных отношений, сближения естественного и позитивного, поддержания духа правосознания и воспитания в гражданах уважения к закону, воспринимаемому в качестве внутренней необходимости;

2) имплементация опыта в построении и реализации положений института предполагает вероятность инициирования новых для системы и противоречащих ее принципам отношений. Функционирование в системе правового института, суть которого противоречит национальному нравственному пониманию права, принципам отечественного уголовного процесса – может не только привести к вынесению несправедливого (хотя и «малообременительного») судебного решения, но и расшатать доверительные отношения общества–индивида–государства. В свою очередь это не позволит в дальнейшем рассчитывать на успех (пусть уже и объективно нужных) реформ, а значит, остановит развитие, вызовет резонанс социальных связей – и приведет к новой, гибридной структуре отношений, подобрать даже не оптимизатор, а регулятор для которой будет сложно;

3) делая ставку на экономии, мы вскоре можем забыть о нравственной составляющей; разрушить систему ценностей и превратить оптимизацию системы в её крах и (может быть) последующее восстановление. Тем более, что, получив новый тип социальной связи, навязать предыдущую продуктивность «проверенными» способами уже не получится.

Таким образом, мы считаем, что в условиях выбора варианта развития системы национального права, пути построения общественных отношений необходимо учитывать основные параметры сложившейся отечественной системы права – преумножая её, а не ломая, пытаюсь построить лучше. Исследованный правовой институт «сделки с правосудием» эффективен и востребован...практикой судебной системы США – то есть иной системой нравственных координат, чужеродной для нашего сознания.

Список литературы

- Уголовный Кодекс РФ** // СЗ РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.
- Антонов А. Г.** Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: Автореф. дис. ... к.ю.н. - Томск, 2000.
- Калиновский К. Б.** Законность и типы уголовного процесса: Дис. ... к. ю. н. - СПб., 1999.
- Калиновский К. Б.** Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юридическая мысль. – СПб.: Издательство Юридического института, 2002. - № 1.
- Петрухин И. Л.** Состязательность и правосудие // Государство и право. - 1994. - № 10.
- Рустамов Х. Ц.** Уголовный процесс. Формы. - М., 1998.
- Bibas Stephanos.** Harmonizing Substantive Criminal Law Values and Criminal Procedure: The Case of Alford and Nolo Condendere Pleas // Cornell Law Review. - 2003. - Vol. 88. - № 6.
- Burger Warren.** The State of the Judiciary // A. B. A. - J. - 1970. - № 56.
- Case Brady v. United States** (1970) // United States Reports. - 1970. - V. 397. - P. 742-752.
- Case Santobello v. New York** (1971) // United States Reports. – 1971. - V. 404. - P. 257, 260–61.
- Easterbrook Frank.** Criminal Procedure as a Market System // J. Legal Stud. - 1983. - № 12.
- Easterbrook Frank.** Plea Bargaining as Compromise // Yale L. J. - 1992. - № 101.
- Lynch Timothy.** The Case against Lea Bargain // Cato Institute. – Law, 2003.
- Scott Robert, Stuntz William.** Plea Bargaining as Contract // Yale L. J. - 1992. - № 101.
- Young C. J.** Sentencing Memoranda. - United States: District Court; District Of Massachusetts. - 18.06.2004.